

Геннадий Моисеенко

ЭПОХА ПОБЕДИТЕЛЕЙ

*Воспоминания
пламенных лет!*

Геннадий Николаевич Моисеенко

Эпоха победителей.

Воспоминания пламенных лет!

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8657940

Эпоха победителей: Издательство ИТРК; М.; 2014

ISBN 978-5-88010-334-8

Аннотация

Автор книги, Геннадий Николаевич Моисеенко, кандидат технических наук, работник ряда отраслей оборонной промышленности. Вместе с отцом занимался историко-публицистической деятельностью, а после ухода отца из жизни, в память о нем и его сотоварищах, написал данную книгу. Книга написана с использованием материалов Н.П. Моисеенко. Работа удачно связана с современной действительностью. В книге отображены события, участниками которых были известные личности страны: Л.И. Брежнев, А.А. Жданов, А.П. Кириленко, маршал авиации В.А. Судец, министры, руководители среднего звена и исполнители, описанные на основе совместной работы и личных впечатлений. Книга показывает великий период истории страны: индустриализацию СССР, Великую Отечественную войну, эвакуацию промышленного комплекса и послевоенное возрождение. События развиваются

на фоне жизни и деятельности Н.П. Моисеенко, и автора книги, построены в хронологической последовательности. Книга может быть хорошим помощником для анализа современной действительности, эпохи перестройки и реформ. Книга Геннадия Моисеенко, посвящена эпохе победителей, когда страна добилась значительных успехов в своём развитии. Книга написана в стиле повествования детей войны, и может быть не только серьёзным подспорьем, созданному движению «Дети войны», а и стать основой для празднования победных дат Великой Отечественной Войны, таких как 70-летие победы ВОВ.

Содержание

1. Издательское предисловие	8
2. Авторское предисловие	16
3. Введение	21
4. Наша память хранит многое	23
5. Весенние всполохи в судьбе отцов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Геннадий Николаевич Моисеенко

Эпоха победителей

© Г.Н. Моисеенко, 2014

© Издательство ИТРК, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Л.И. Брежнев. На встрече с рабочим классом
Запорожья. 1947 год.

*Справа налево: Л.И. Брежнев, Г.В. Енютин, Н.П.
Моисеенко*

1. Издательское предисловие

Книга, автора – Геннадия Моисеенко, «Эпоха победителей», характеризует Советскую эпоху, как эпоху успехов в области создания промышленного потенциала, обеспечившего победу в Великой Отечественной Войне, и послевоенном возрождении.

Основными действующими лицами этой эпохи являлись выходцы из рабочего класса, сумевшие преодолеть все трудности её становления.

Одним из ярких представителей этого класса был Л.И. Брежнев, которому посвящена значительная часть повествования. Он показан во взаимодействии с основными руководителями страны, руководителями среднего звена, рабочими, бригадирами и учеными.

Показано как развиваются события в эту эпоху, начиная с революционных лет.

Книга написана в жанре документально-исторической повести, использованы мемуарные материалы и архив отца автора – Н.П. Моисеенко, человека, чья личность формировалась вместе со становлением и развитием державы.

Одна из ярких страниц его жизни – встреча и работа с Л.И. Брежневым и другими видными деятелями государства; людьми, работавшими с ними и под их руководством.

В книге воспроизведены ранние впечатления автора, про-

несенные через всю жизнь, и взгляды уже зрелого человека, воспоминания о встречах и беседах с очевидцами.

Автор знакомит читателя со многими малоизвестными событиями и материалами, о чем свидетельствуют личные документы и фотографии, опубликованные и неопубликованные литературные работы, приведенные в приложениях.

Книга прошла опробование и обсуждение в различных коллективах, и её характеризуют приведенные ниже рецензии родственников действующих лиц, ученых, специалистов и рядовых граждан страны.

* * *

С большим удовольствием прочел книгу «Память пламенных лет». Книга дает нашему молодому поколению историю борьбы наших отцов и дедов за свою страну, что особенно важно в это перестроечно-реформаторское время. Время шатаний и распада Великой державы. Мне особенно интересно было узнать некоторые подробности жизни и деятельности моего прадедушки – Л.И. Брежнева, его сотрудников, друзей и товарищей.

Это особенно важно в наше время, когда многие стараются бросить камень в прошлое и представить образ нашей семьи, и Л.И. Брежнева в негативном виде.

Правнук Л.И. Брежнева Леонид Брежнев

* * *

Примите искренние слова признательности за ваш бесценный подарок для нашей библиотеки. Ваша книга «Память пламенных лет» займет достойное место в нашей коллекции. Имена героев, наших земляков, в том числе вашего Отца Николая Петровича Моисеенко, хорошо известны в нашем регионе. Их личный вклад в развитие и восстановление Днепрогэса, мощнейшего индустриального комплекса Юго-востока Украины – навеки останутся в истории и людской памяти.

Директор областной библиотеки им. Горького, г. Запорожья, заслуженный работник культуры Украины И.П. Степаненко.

* * *

Особенно ценным в книге Г.Н. Моисеенко является раскрытие оптимистического и созидательного характера деятельности советских людей в годы Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения. Это качество книги обладает большой перспективой, так как показывает людям характер выхода из образовавшейся кризисной ситуации со-

временности.

Книга посвящена героическому историческому прошлому, но автор умело вскрывает корни современных явлений и увязывает сюжеты с проблемами сегодняшней жизни, что придает книге вполне актуальное звучание.

Исторический опыт советского периода призван служить общественному прогрессу будущего. В этом отношении данная книга имеет большое значение для современного поколения людей, в особенности молодежи.

Доктор исторических наук, профессор – Ермалавичус Ю.Ю.

* * *

В книге умело, отражена эпопея, которой ещё не знала современная история, а именно, эвакуация промышленных предприятий из прифронтовой полосы СССР. Названы многие имена учёных, строителей, рабочих, инженеров, партийных работников.

Это усиливает достоверность рассказа, придает ему патристическую направленность и оживляет воспоминания целого поколения советских людей – победителей в войне и труде.

В книге красной строкой просматривается глубокое понимание и художественное осмысливание автором роли И.В. Сталина, как вождя созидателя. Уместны и точны оценки в

отношении других руководителей.

Часть материалов имеет научную и историческую ценность, и может быть использована для преподавательской и научной работы. Книга заслуживает опубликования и широкого распространения среди читателей России и бывших советских республик.

Доктор исторических наук, профессор – Малахов Г.А.

* * *

В книге отражены актуальные для современного читателя экономические и политические проблемы советского периода, особенности становления партизанского движения во время Великой Отечественной войны, его народная сущность. И не только на южном фланге Юго-Западного фронта, а и на сопредельных территориях, в частности в Словакии.

Автор раскрыл тактику борющихся сторон в Словацком Народном Восстании и участие в нем советских граждан. Показал глубину позиции Советского командования в отношении военнопленных и развеял миф об однозначно негативном отношении к этой проблеме.

Большое значение имеет материал о деятельности руководителей Советской страны, в особенности Л.И. Брежнева и А.П. Кириленко. Автор показал, насколько они были близки к народу и как они думали о его повседневной жизни и

о его будущем, что основательно подрывает весь негатив современной пропаганды.

Доктор исторических наук, профессор – Гришин А.В.

* * *

Стилистически автору удалось придать книге захватывающий характер легко воспринимаемого повествования. Хорошо написанные эпизоды волнуют душу и несут конкретную информацию, малоосвещенного в литературе, первого периода Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения. Автор показывает всю напряженность этой борьбы и даёт её реальную картину. В книге удачно показана связь исторических событий с современностью, средства и методы преодоления трудностей, которые могут быть полезны современному читателю.

*1-й секретарь Восточного окружкома КПРФ, полковник
Губенко Г.И. и группа читателей*

Л.И. Брежнев. 1947 г.

2. Авторское предисловие

Прежде чем взяться за перо и написать второе издание книги под названием: «Эпоха победителей», я вспомнил, как партия отмечала 100-летие со дня рождения Л.И. Брежнева, которое имело широкое звучание. А на юбилее Леонида Ильича, подошел к нам, распространителям книги, с группой депутатов ГОСДУМЫ и членов ЦК КПРФ Председатель ЦК партии Геннадий Андреевич Зюганов. И сейчас мне отчетливо вспомнился Геннадий Андреевич Зюганов, который способствовал выходу в свет первого издания книги подарил свою именную авторучку и сказал: «Не останавливайся на достигнутом, старайся расширить и дополнить материал – эта тема имеет большое значение».

Между нами завязался короткий, но содержательный разговор, из которого я понял, что Геннадий Андреевич имеет серьезные экономические, социальные и политические понятия о существовании власти вообще, а в России в особенности.

И мне отчетливо вспомнился трудный перестроечный период, когда мы техническая интеллигенция, да и все работники промышленности, подвергались ударам со всех сторон, а основа нашей жизнедеятельности – промышленные предприятия сокращались, да и вовсе закрывались, и тогда я вновь обратился к рукописям отца.

Полностью погрузился в их содержание, ощутив события

тех лет, чтобы, в конце концов, понять суть успехов того времени и причины неудач перестроечного и реформаторского этапов жизни нашей страны.

Я нашел фотографии и материалы, о жизни и деятельности Л.И. Брежнева, людей с которыми он работал его соратников и сподвижников, и не только это, а и материалы, касающиеся развития событий всей эпохи.

И именно тогда, я смог заново осмыслить и суть Советской эпохи, и образ Леонида Ильича, невзирая на все отрицательные аспекты его современной критики, и образ моего Отца – Моисеенко Н.П., как представителей эпохи.

Леонид Ильич Брежнев – выходец из рабочего класса, из пролетарской среды периода становления Советского государства, когда именно на этот класс делалась ставка во всех грандиозных планах развития. Такие люди выдвигались к руководству промышленностью страны, пройдя весь образовательный курс, который Советская власть создавала для выходцев из народа.

В дальнейшем, наиболее активные люди из этой среды, преодолев все трудности развития, выдвигались на высшие руководящие посты партии и страны.

К этой среде, как и Леонид Ильич, принадлежал и мой Отец. Они жили и работали в Приднепровье, на Юге Российской империи, где в начале 20-го века разворачивались события, которые во многом отражали эпоху становления и развития Советского государства.

И мне захотелось заглянуть в прошлое этой эпохи, через судьбы моих предков. Так, мне казалось, будет правильно отражена эпоха, в которой созревали будущие руководители страны. И осуществились те великие события, которые удивили и потрясли весь мир!

Н.П. Моисеенко (1909–1975 гг.)

Вторым секретарем горкома партии работал Моисеенко.

Таким образом, мне было на кого опереться.
Л.И. БРЕЖНЕВ. Возрождение

3. Введение

Н.П. Моисеенко принадлежит к тому поколению людей, которые строили Советскую власть и вместе с ней росли, и формировались как личности. Рабочий железнодорожной станции, студент машиностроительного института, он стал инженером – конструктором, был выдвинут на комсомольскую и партийную работу в качестве первого секретаря обкома комсомола, а затем и обкома партии. Активно участвовал в предвоенной индустриализации страны.

Во время Великой отечественной войны он находился в числе тех, кто организовывал демонтаж и эвакуацию предприятий Запорожья, воевал, участвовал в партизанском движении, был начальником оперативной группы Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, впоследствии Северо-Кавказский фронт, уполномоченным Военного совета фронта. Выполнял ряд оперативных заданий ГКО и ЦК ВКП (б).

После победы, Н.П. Моисеенко, снова на ответственной партийной работе: секретарь горкома, обкома партии, заместитель генерального директора завода «Запорожсталь», председатель Госконтроля Запорожской области и др. В последние годы жизни занимался журналистской деятельностью.

Он непосредственный участник строительства, обороны,

эвакуации и восстановления города, его промышленного комплекса, Днепрогэса и завода «Запорожсталь», что было одним из величайших примеров всей военно-индустриальной эпопеи Великого Советского Союза.

И в этой эпопее, в этом движении вперед на его долю выпало встречаться и работать с людьми, которые впоследствии определяли пути развития страны. Анализ этих путей, анализ этих встреч и бесед, может помочь понять причины, приведшие к распаду Великой державы. Понять, что погубило эту державу: мелкое тщеславие и ограниченность правителей, пришедших к власти в период перестройки и реформ, их проснувшиеся инстинкты стяжательства и наживы, перерождение элиты страны или в конечном итоге потворство народа этому перерождению.

4. Наша память хранит многое

Я уже не молод, седина подернула чело, но передо мной стоят первые картины памяти моего детства. Суровые сизые тучи над Днепром, покрытая туманной дымкой плотина Днепрогэса, истошный вой сирены воздушной тревоги, черные кресты самолетов, несущих смерть и разрушение, зеленые стены бомбоубежища, глухие удары сверху, осыпающаяся штукатурка первой в моей жизни бомбежки – осенью 1941 года.

Мой отец, Николай Петрович Моисеенко, один из секретарей Запорожского обкома партии, давно не ночевавший дома, в это тревожное время, пришел в военной форме, поставил карабин в угол и спокойно сказал:

– Завтра уходим к Днепру с ополчением, вниз за остров Хортица, нужно совместно с войсками сдержать немцев и выполнить приказ Верховного – вывезти заводы Запорожского промышленного комплекса.

Впервые я узнал, кто такой «Верховный» – это товарищ Сталин, наш вождь и учитель. Пока он с нами, мы победим немцев, которые громадной злой стаей, уничтожая все на своем пути, прут на нашу землю, а мы её должны защитить от позора и поругания.

Отец появился второй раз и сказал.

– Пора собираться: взорваны центральные бычки плоти-

ны, открыты все сливы, громадная волна смысла наступающие немецкие части на переправе, время для эвакуации заводов выиграно, поезда уходят на Восток, скоро заводы уйдут и наши войска, с громадным напряжением сдерживающие врага, оставят город.

Мы собираемся. Мать плачет – уезжаем в неизвестность, грузим вещи в вагоны, за Днепром слышен нарастающий гул канонады. Поезда с беженцами под прощальный гудок паровоза уходят на Харьков, оставив полупустые перроны и одиноких провожающих. Под Харьковом бомбежка, разбросаны вагоны разбитых эшелонов, плачущие, бегущие в разные стороны люди, женщины прижимающие детей к земле, и крики: «Илья пророк», громовержец и заступник, защити, спаси, закрой нас от огня и пламени».

Спрашиваю у стариков, кто такой «Илья громовержец»? Слышу ответ: «Это Великий вождь, собирающий силы под Москвой, чтобы огнем и мечом поразить врага, это Верховный главнокомандующий – Сталин!»

Поезд застрял в степи, перед маленьким разбитым полустанком: стоим на открытом месте рядом с санитарным эшелоном, из которого вышли легко раненные, расположились на груде лома и разбитых вагонов, вертят самокрутки и задумчиво слушают тихий голос гармонь. Бомбежка и бой – это бомбежка, а гармонь – это гармонь. Пока есть жизнь – есть гармонь.

Появился начальник караула полустанка, старший лейте-

нант, с усталым видом школьного учителя, с опухшими от бессонницы глазами, с глухим, каким-то надтреснутым голосом.

– Чего стоим, – старшой? – заговорили солдаты.

– Танки где-то прорвались, не дай бог сюда, у меня солдат то всего взвод, – как-то буднично заговорил он. Выдвину этот взвод вперед, для прикрытия и все. А там, что получится? На Москву вам, наверное, не пройти. А куда вас деть и сам не знаю.

Танки появились на горизонте. Угрожающе развернулись, показали свои кресты на броне, развернули башни и лениво плюнули снарядами, не целясь, так, для остратки, в сторону эшелонов.

Старший лейтенант с двумя солдатами и ящиком противотанковых гранат, с резким напряжением предчувствия близкого боя, просил раненых:

– Братцы, помогите. Братцы, сами не сдюжим. Братцы, ради всех Святых!

Деловито раздавал гранаты. И звал на смерть, как на обычную работу.

– Братцы, умирать, так не впервой, авось сдюжим, – заглядывал он им в глаза.

– Пацанву жалко. А так – хрен бы с ним! А, братцы? Я вам и пару ПТР дам, неплохое противотанковое ружье, бей по гусеницам и боковой броне, и танк одолеешь, только не робей!

Они ушли, молча, на ходу поправляя бинты, подтягивая пояса и рассовывая гранаты по карманам. Уходили они как-то сурово и буднично, как на тяжелую, но крайне необходимую работу.

Танки быстро продвинулись вперед, замерли, ответили уже прицельным огнем орудий на залп наших ПТР и, обстреляв беглым огнем эшелон, круто развернулись и ушли в сторону Харькова.

Паровозы прокричали: «НЕ пройдем! Не пройдем!» – Лязгнули буферами. Народ бросился к эшелонам, быстро заполняя вагоны. Паровозы сдали назад. Остановились. Прокричали:

«На Кавказ! На Кавказ!» – И начали медленно набирать скорость, уходя от ставшего таким опасным, полустанка.

Уезжаем на Кавказ, уходим от бомбежек, пролетают степные просторы. На станциях все бегает на вокзал за кипятком, получают гороховый суп и хлеб, торопятся, кричат, боятся опоздать, отстать от поезда.

Прибывают эшелоны: пассажирские, товарные, открытые платформы с цветастой женской и детской массой, в уже по-осеннему прохладное время. Люди с платформ штурмуют поезда, тамбуры, заполняют проходы. Народ, снявшись со своих мест, отступает на Восток от грохочущего и приближающегося фронта.

Наш поезд загоняют в тупик. Все взволнованны, суеются, выглядывают из вагонов, спрашивают:

– Что такое, что такое?

Пожилой усатый железнодорожник в промасленной форме, деловито простукивающий колеса, важно запрокинув голову, разъясняет:

– Пропускаем встречный. Воинский!

Проносятся встречные с пушками на платформах, с солдатами в проемах дверей, прощально машущими нам рукой. Деловито стучат колеса встречных.

– К фронту! К фронту! К фронту. На смерть! На смерть! На смерть!

На смерть они идут просто. Надо остановить немецкие танки. Надо и всё! Это потом власть в великой стране захватили маленькие карлики. Смерть великих людей оплевали. Придали ей форму мелкотравчатой политики, борьбы за должности и оклады, за дачи и обогащение. А тогда они делали своё дело! Немецкие танки не пройдут! Не пустим! Не дадим! Сурово говорили их прощальные взгляды.

Тогда мы жили под вой снарядов, но жили без теперешнего надрыва и отчаяния. Собирали эшелоны и снова в путь. Меняли на полустанках вещи, которые казались теперь не нужными, на хлеб и овощи, смотрели на небо – нет ли самолетов, слушали его:

– Это завывание, – прошел мессер. Это падающий свист – Юнкерса.

– А это, деловито жужжа, как осенние шмели, подходят наши истребители – ястребки (ЯКИ). Они ищут свои цели

и вступают в бой, отгоняя немцев от эшелона. Боимся налетов. Бегаем, торопим машиниста – скорей, скорей уйти от ставшей такой опасной станции.

Машинист и сам с тревогой поглядывает на небо и ждет разрешение на выезд. Наш пассажирский поезд, по тем временам роскошь. В него вечно на полустанках набивается много народу. В вагоне становится душно от скопления людей и человеческого пота, невозможно ни жить, ни ехать. Есть приказ:

– Посторонних людей без разрешения коменданта не брать.

Говорят, немецкая агентура уже не раз пыталась посеять панику, встраиваясь в наши ряды, проникнув в вагоны, и не только к нам, беженцам, а главное в воинские части. Врезаться в головную часть воинской колонны на марше и увести её с намеченного маршрута, создать неразбериху. Это было главной задачей одной из специальных абверкоманд отдела «Ост» германской разведки.

В наш поезд подсаживаются несколько инвалидов. В вагоне молодой одноногий инвалид, с подвязанной ногой, на костылях, вынимая финку, пугает пассажиров.

– Уходите из эшелона – ночью будет резня.

Кто-то бежит к начальнику эшелона. А это бывший сотрудник обкома, а теперь капитан Дейнека. Он появляется с двумя солдатами, с винтовками наперевес. Инвалид сразу умолкает, начинает суетиться.

– Мы что? Мы ничего. Мы пошутили. У нас даже финок нет.

– Вот посмотрите, – выворачивая карманы, он жалобно обращается к публике. Но начальника эшелона не проведешь, он резко рвет повязку на ноге инвалида и выбивает ногой костыли. Оказывается – инвалид липовый. Порядок восстановлен, и поезд выпускают до следующей – Узловой станции. На Узловой нас уже ждут эшелоны с ранеными красноармейцами. Эти эшелоны, состоящие из открытых платформ, ушли от артобстрела, от самой кромки боя. Нам объявляют:

– Скоро придем на Узловую и у нас есть приказ «Верховного»: «Все пассажирские поезда, в зоне боевых действий, отправить под создание фронтовых госпиталей».

– На Узловой вам дадут новый состав из теплушек и двухосных товарняков.

Не успел поезд остановиться, как санитары начали заносить раненных бойцов. Раненные красноармейцы гладили детей и извинялись. Женщины всхлипывали, давали им фрукты, и причитали:

– Да что вы, родные! Мы все вам отдадим! Только бы вам устоять! Только бы побить проклятого!

Наш сосед по вагону, юркий, общительный, добродушный старик, отвоевавший своё, ещё в гражданку, уже осмотрел новый эшелон и прибежал за нами:

– Я получил такой телятник! Переоборудуем, закачаетесь,

благодать, лучшего не придумаешь! Быстрей грузите вещи, а я побежал за печкой.

Вагон преобразался на глазах. Женщины его вымыли до блеска, мужчины соорудили нары. В центре установили маленькую чугунную печку, которую почему-то называли «буржуйкой».

– Ну, теперь, родные благодать, тепло, сухо, воздух – есть, чем дышать.

Эта картина запомнилась на всю жизнь. И уже гораздо позже, в период перестройки и реформ, когда речь заходила о депортированных во время войны малых народах, разжигались национальные страсти – почему-то всегда говорили как о великом безобразии, об этих теплушках. Но так переезжали десятки миллионов людей, а тем депортированным, которых увозили от войны и фронта, хотя многие из их родственников выступили на стороне врага, ещё и пассажирские подай. Наши отцы сражались, и мы уезжали под бомбежками в теплушках, а им, видите ли, роскошь подай.

Выпустили джинна из бутылки, а теперь кровью харкают. Благо бы они. Народ страдает. Но это было потом, через много лет. А пока мы радовались теплу и возможности уснуть у печки, под монотонный стук колес.

Поезд набирает скорость и уже, кажется, ничто не мешает ему достучать до нашей конечной цели. Под окнами вагонов пошли роскошные ставропольские сады, полные прелести осеннего увядания, ещё не тронутого войной, а на полу-

станках появились такие дешевые ароматные яблоки, которые можно обменять на любую вещь.

Наконец, конечная точка нашего маршрута – большой и теплый город Ставрополь. Ставрополь запомнился привокзальной площадью, забитой людьми, и большим громкоговорителем, похожим на огромную, извилистую квадратную трубу, торчащую на верхушке столба посередине площади. Вечная толпа у громкоговорителя, ждущая новостей с фронта. Громкоговоритель, хрипя и откашливаясь, сообщает печальные вести: «Войска оставили! Оставили! Оставили!». Фронт приближается к Кавказу.

Люди плачут. Стою, всхлипываю, в общем страхе, с предчувствием скорого конца. Кто-то опускает мне ладонь на голову и говорит: «Не плачь, сынок. Сталин с нами, мы победим!» – Кажется, что что-то большое и сильное закрывает весь горизонт и спасает от такой близкой беды.

В Ставрополе, где наша жизнь, казалось бы, начала становиться спокойней, невзирая на войну, такой уж был, успокаивающий ритм жизни этого города. Нас начали одолевать новые волнения, даже после недолгих хлопот, когда местные власти наладили питание семей военнослужащих. И всегда, в эвакупунктах, можно было получить гороховый суп или пшеничную кашу. Но опять появились печальные фронтовые новости. И наше пребывание оказалось не долгим, немцы подходили к Кавказу.

Опять дальше в путь, через горные просторы и сияющие

вершины, к полоске моря, блеснувшей синевой на горизонте, в манящий своим восточным своеобразием и нефтяной славой, город — Баку.

Ночевки на вокзалах, где все спят покатым на полу. В школах, прислонив голову к партам. И, наконец, долгожданное море. А вместе с ним и длинная металлическая баржа, с небольшим буксиром. Плыдем в Красноводск через весь Каспий. А дальше путь в Среднюю Азию.

Несколько налетов авиации, черные кресты мессеров, пытающихся расстрелять юркий буксир. На барже красный крест, жирно нанесенный матросами через всю ржавую, давно не крашеную палубу, но нас всё равно бомбят и обстреливают, а в дополнение, баржу треплет шторм. Поголовная морская болезнь и страх перед налетами, изматывал людей до обморочного состояния.

Наконец все мытарства закончены, длинная и душная дорога по просторам Средней Азии завершена. Мы в Самарканде, с его плоскими крышами и глинобитными заборами. Сладкие фрукты в хозяйском саду и сладкое ощущение того, что можно поесть тутовника, растущего у арыков на улицах.

Самарканд запомнился жарким солнцем, экзотикой древнего азиатского города, шумными базарами и приездом отца в командировку по фронтовым делам. В 1942 году он навестил семью перед отъездом в Сталинград. Сталинград готовился к обороне, принимая первые удары. Отец пробыл несколько дней и ушел по пыльной Заводской улице, вдоль

глинобитных заборов и арыков, сопровождаемый возницей верхом на маленьком ослике с квадратной, небольшой двухосной телегой, увозившей его вещи в Сталинград. Я долго бежал за отцом, хватал его за пыльные сапоги и орал: «Папа, не уезжай, тебя убьют». — Люди стояли, молчали и плакали.

Наконец, меня догнала и забрала мать, а отец ушел дальше по пыльной дороге. Запомнились самаркандские базары, с их восточной экзотикой. На этих базарах, помогая хозяйке торговать, можно заработать немного фруктов и отнести сестре и матери. И память об Отце, его портупее, кобуре с пистолетом и высоких хромовых офицерских сапогах, когда можно гордо сказать базарной малолетней шпане, скорой на расправу.

— У меня отец на фронте, в Сталинграде, вот он вам задаст! — и шпана вздрагивала, морщилась и отходила.

Внезапно нахлынувшая радостная весть:

— В Сталинграде Победа, — взбудоражила всю улицу. Все бегали, со двора во двор и спрашивали: «Вы слышали? В Сталинграде Победа!»

И далее, сообщение за сообщением: «Наши войска взяли! Взяли! Взяли!» Мы сразу привыкаем к победным реляциям. Ожидание возвращения в родные пенаты становится не таким тоскливым. А вот уже и победа под Курском! Фронт быстро идет на Запад! Он скоро уже под Запорожьем, начинаем собирать вещи, готовим провизию для долгого путешествия в теплушках, за движущимся фронтом. Все говорят:

– Если запастись мясом, залитым жиром, то можно выдержать длительное путешествие. Но какое там мясо, при нашей всеобщей бедности. Уже давно все обносились, все вещи ушли на провизию, мясо на рынках баснословной цены.

«Но выход есть», – говорит Елизавета Кириленко, жена Андрея Павловича, секретаря нашего обкома, который воевал с отцом где-то на Кавказе. С ней мы были в эвакуации, и она относилась к нам с особой приветливостью и добродушием.

– Если купить мясо ослика, которое стоит сравнительно дешево, и хорошо проварить, оно будет вполне съедобно.

Она устроилась в Самарканде на неплохую работу, где давали относительно хороший, по тем временам, паёк и кроме офицерских аттестатов отцов, которые пересылали нам с фронта, для какого-то существования семей, она помогала нам не только провизией, а и устроила в детский сад как детей фронтовиков.

Запомнилось, как мы давали концерты в госпиталях, раненым красноармейцам, и выводили нестройными детскими голосами:

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

А главный врач, называя нас по взрослому – товарищи,

благодарил и говорил, что для раненых это лучшее лекарство.

А.П. Кириленко. 1941–42 г.

Н.П. Моисеенко. 1941 г.

До сих пор помню больного, заросшего рыжей щетиной раненного, который протяжно стонал, смотрел на меня и тихо звал: «Сынок, подойди ко мне, подойди».

А я боялся его устрашающего вида и жался к ногам воспитательниц.

– Подойди, подойди, он очень «тяжелый», долго не протянет, – тихонько всхлипывая, говорили они. – Ему кажется, что ты его сын.

Потом я его уже не встречал, его перестали приносить в большую, общую палату, где мы давали концерты, но воспитательницы говорили между собой:

– Подумать только, такой тяжело-раненный, а пошел на поправку. Мальчишка его поднял, что ли?

Ослик варится долго-долго, страшно пенясь и испуская неприятней запах. Многие брезгуют, морщатся и предпочитают мясо местных черепах. Угощая их отваром, радостно улыбаясь найденному выходу для длительного путешествия, философски рассуждают: «Хм, хм, совсем не дурно, бульон почти куриный. Можно выдержать длительное путешествие!»

Отца я вспоминаю все чаще и чаще, в кожаном полушубке с портупеей и красной звездой на зимней шапке, как на фото – графин, стоящей на столике матери. Но встретились

мы с ним уже в освобожденном Запорожье.

Небольшой, полуторный фордик, отслуживший свой срок в армии, тащил нас мимо разрушенных зданий. Здания вздымались в небо свои обгоревшие руки, словно моля о пощаде, и тоскливо смотрели на нас своими разрушенными глазницами. Город был полностью разрушен – ни одного уцелевшего кирпичного здания, ни одного цеха, ни одного завода.

Отца отозвали с фронта, и он, с А.П. Кириленко, возглавил партийную организацию города и области. Разбирались завалы, разминировались минные поля, готовились строительные площадки, налаживалась мирная жизнь. А за Днепром еще были немцы. Их самолеты прорывались и бомбили вокзал и город.

В первое время, после освобождения, обком партии разместился в уцелевшем небольшом домике, на площади «Шевченко», недалеко от полностью разрушенного немцами авиамоторного завода. Работать приходилось под канонаду, расположившейся рядом батареи дальнобойной артиллерии, замаскированной среди развалин. Грохот орудий, от которого вздрагивали первые посетители, мало тревожил их. К этому они привыкли за долгие годы фронтовой жизни.

Необходимо было восстанавливать партийные организации области, к тому же приближалась годовщина Октябрьской Революции. Для проведения торжеств нужно было найти подходящее помещение, которое при осмотре и изучении развалин найти не удавалось.

Наконец, им повезло. Просматривая руины авиамоторного завода, они нашли почти целый зал, где когда-то работали технологи и конструктора. Этот зал и стал первым звеном возрождаемой парторганизации. И сразу начали обсуждаться варианты возвращения авиамоторного завода, используя

метод раздела его мощностей на две части, одна из которых должна остаться в Омске, а другая – возвратиться в Запорожье. Уже тогда планировалось создать опытно-конструкторское предприятие, которое должен возглавить Ивченко А.Г. Люди охотно шли работать к нему. Он мог создать творческую атмосферу вниманием и четкой расшифровкой своих технических идей. Впоследствии это КБ назвали ЗМКБ «Прогресс» имени А.Г. Ивченко.

В тот период к нам домой часто приходили гости: кто представиться после возвращения из мест, куда их забросила военная судьба, кто – вернувшись с фронта, а кто и с дружеским визитом, воспользовавшись фронтовым отпуском. Все горячо обсуждали мирные задачи восстановления города, с приближением скорого окончания войны. И были уверенны в том, что с такой задачей, как возрождение разрушенных объектов, сможет справиться только сильная парторганизация. Приходили и люди, крайне необходимые для проведения восстановительных работ, которые впоследствии отзывались с фронта и которых, уже через много лет, мне удавалось увидеть в качестве больших руководителей. Особенно запомнились, ставшие в последующем секретарями обкома, армейский капитан Владимир Владимирович Скрябин, похихивавший своей трофейной трубкой, выполненной в форме головы Мефистофеля. И интеллигентный Михаил Николаевич Всеволожский, тогда ещё совсем молодой, вполне подходивший для комсомольской работы. И, конечно, наи-

более близкий отцу, всегда серьезный, Андрей Павлович Кириленко, в последующем – известный секретарь ЦК КПСС, второй человек в стране.

Я всегда удивлялся их бескорыстной дружбе, прошедшей через всю жизнь, начиная с ранней комсомольской юности, о которой и сейчас напоминают старые пожелтевшие письма и телеграммы. Приходили и многие другие товарищи, игравшие, впоследствии, существенные роли в судьбах страны.

Увлекало меня, рождало спортивный азарт их стремление возродить спортивную жизнь в городе. Собрать вернувшихся с фронта спортсменов, накормить, натренировать потерявших спортивную форму после войны и ранений, создать первые футбольные и борцовские команды. С каким энтузиазмом, с какой радостью шел народ на эти товарищеские матчи. Да, это было время подъема духа всего Советского народа!

Я подросток. Отец стал брать меня на футбольные матчи, митинги и демонстрации. Много осталось в памяти, многое слышал от отца, остались его воспоминания и рукописи. Все это прошло через меня, через современный перестроечный период и вылилось в определенный взгляд на вещи – оценку эпохи!

5. Весенние всполохи в судьбе отцов

Весна 44-го началась несказанной радостью в моей душе. Отец с Андреем Павловичем едут в Бердянск для подготовки партийной конференции и хотят взять меня на родину предков. Но опасная дорога, вся изрытая воронками, с остатками мин и снарядов, вызывает опасения. И они уезжают сами. Опасения подтвердились – отец возвращается с шишками и ссадинами. Шофер, объезжая воронку, не справился с управлением.

Наступает время партийной конференции, а дорога такая опасная, что необходимо срочное проведение восстановительных работ. Скоро приходит и мой черед, я уже в машине, мчащейся в этот небольшой приморский портовый город, где весной 1918 года развернулась цепь революционных событий, потрясших весь юг Российской империи, и вместе с ним жизнь и судьбу моих предков. Вот он и морской Бердянский залив, и порт, с маленьким буксиром, швартующим к пирсу баржу с солью и рыбой. Морская зыбь с плавно качающимися чайками на морской волне, в отблесках заходящего солнца, ласкающая мягкой морской волной борта полузатонувших кораблей, оставленных отступающим противником.

Вот здесь, в этом морском воздухе, пахнущем солью и ры-

бой, разворачивалась нелегкая судьба моих предков. Дедушка, Петр Моисеенко, родом из Черниговских казачьих поселений, депортированных в Бердянский уезд ещё в период ликвидации украинского казачества в царские времена, которые следовали один за другим, начиная со времен Екатерины II, обосновался в селе Новоспасском. Памятуя свой казачий нрав, долго не уживался с местными помещиками, его новыми хозяевами, и ушел в Бердянск, как только на заводе английского предпринимателя Гриевза начался набор рабочих. Обстановка на заводе Гриевза, да и других бердянских предприятиях, и Матиаса, и Горохова, была довольно революционна. Рабочие там получали первые навыки борьбы от большевистских групп, создававших революционные настроения. Вот там он и встретил, ещё совсем юную, мою бабушку Катю, сверловщицу этого завода, недавно переехавшую в поисках работы вместе с семьей из голодной, в то время, Курской губернии.

Дедушку рано забрали в армию, в 1912 году, и определили служить в Черниговский полк. Этот полк отличался революционными настроениями, ещё в тот предвоенный период. В 1915 году, в разгар войны, полк за отказ идти в наступление был расформирован и дедушка попал в 46-й Бердянский запасной полк, где, невзирая на все старания царских властей, уже в 1916 году началось революционное брожение.

Это брожение быстро перекинулось на заводской рабочий класс. Завод Гриевза лихорадило, начались увольнения

и бабушка, дети которой умирали после родов от болезней и недоедания, ушла работать в барское поместье в Миллерово.

Старый барин, выходец из немецких баронов, редко бывал в своём поместье. В округе пошаливали крестьяне, требующие раздела помещичьей земли. Но молодой барин часто наезжал на своей тройке гнедых, требуя с управляющего доходы. Он сразу чинил суд и расправу над работниками поместья и окрестными крестьянами, в стиле старых крепостнических, феодальных привычек, когда казацкая нагайка была основным методом выколачивания дохода.

Его короткие усы топорщились, лицо искажалось, когда нагайка со свистом вышибала недоимки. А, как только степь вспыхивала красным всполохом крестьянского бунта, его тройка уносилась в пределы Александровска под защиту царской охраны. А когда произошла Февральская революция в Петрограде, в Бердянске, вслед за заводскими забастовками, начали создаваться Советы.

Солдаты 46-го полка примкнули к революционному народу, захватили оружие и появились в окрестных деревнях. Тут и вспыхнула, как разливанное море, весенняя заря красной крестьянской свободы, зародившаяся ещё в период керенщины, и разлилась Советским морем весной 1918 года. Крестьяне, измученные безземельем, вековым помещичьим террором, смели помещиков и бросились делить помещичью землю. А съезд Советов Бердянского района, уже в феврале 1918 года, поддержал это движение и принял решение о кон-

фискации помещичьих земель. Тут и бабушка моя, Екатерина Тихоновна Моисеенко работавшая на помещичьем подворье, как кормилица и нянька, получила свой надел.

Этот надел, в период промышленного спада и начавшихся повсеместных увольнений, позволял выжить семье, дети которой, так страдали от голода, что из восьми человек, рожденных бабушкой, выжили всего двое. Вот тогда они, собрав последние копейки, влезли в долги и купили белого мерина и начали обзаводиться хозяйством. Эта лошадь в бабушкиных рассказах выступала как белый в яблоках сказочный конь, с золотистой гривой и чеканными копытами. Он был надеждой на выживание, но счастье было таким недолгим.

С фронта, пробиваясь на Дон, пришел полк полковника Дроздовского, созданный ещё в царские времена, как карательно-заградительный отряд, для предотвращения развала Царской армии. Он шел, громя Советы и возвращая землю помещикам. Разъезды дроздовцев появились в окрестностях. Начались расстрелы активистов. В мае дроздовцы расстреляли Бердянский Совет, расстрелы прокатились по всем селам уезда, а за расстрелами засвистела всё та же дворянская нагайка, пошли порки крестьян, взявших помещичью землю.

Дедушка, не долго думая, схватил свой кавалерийский карабин, вскочил в тачанку, несущуюся мимо под красным флагом, и был таков. Тачанка унеслась в степь и по оврагам, по буеракам степи закипал красно-казацкий, крестьянский

гнев, поднималась степь на борьбу с дроздовцами. А пока по деревням, бело – казачья нагайка секла и расстреливала крестьян.

Чайки над морем кричали.
Были в степи кобели.
Злою казацкой нагайкой
Бабушку Катю секли.
Били за счастье! За волю!
Били, чтоб землю сдала.
Били, чтоб жизнь свою барам,
Всю до крови отдала.

А в это время в Петрограде, оторванная от реальной действительности, поэтесса Марина Цветаева пела золотую песню этим белым полкам, как белым лебедям её поэтического воображения.

И уже позже, нахожу стихи Отца, который ещё в детстве пережил весь ужас карательной экспедиции дроздовцев, боль и обиду за унижение своей матери и его душа обиженная этой расправой с болью и обидой писала.

*П. Моисеенко – солдат Черниговского полка
Императорской армии. 1912–1914 гг.*

Не лебедей это белая стая,
Коршунов злобных стая косая.
Белым виденьем – страх упаси,
Тело крестьянское рвет на Руси!
Старого мира сильный укус,
Молодость красная – Вот наш Иисус!

Так и шли эти два года – с постоянной сменой властей, с их белым террором, репрессиями и жестокостью. Когда в город периодически входили то войска белого генерала Май-Маевского, сменяемые анархическими отрядами батьки Махно, то Деникинское наступление захлестывало город.

А уже в 1920 году город захватили войска барона Врангеля. Красные партизанские отряды, сельские отряды самообороны, вместе с отрядами анархистов, не давали покоя белой гвардии.

А вместе с тем, тотальный белый террор нарастал. Под Акимовкой белые захватили госпиталь и уничтожили всех раненных. Та же судьба постигла молодого, 19-ти летнего комсомольца, токаря железнодорожных мастерских – Дробязко В.И., шедшего в разведку и попавшего в засаду.

Первый испуг белого террора прошел и по деревням и

рабочим посёлкам как выход измученной, отринувшей церковь как слугу господ, но ещё православной души, прокатилось:

П. Моисеенко. В центре: солдат 46-го Бердянского запасного полка Императорской армии с семьёй. 1915–1916

Как Дробязко рвал тельняшку,
серой пульей на груди,
Как запели, застонали
там степные ковыли.

Как пробитый злою пулей,
на ковыль траву упал,
Как оставленный на воле,
конь буланный застонал.
Так в акимовском рассвете
били раненых в полет.
Так забили, затоптали их
в простой земельный лед.
А когда пришло, пристало
им самим под пулю лечь.
Вдруг заплакали, заныли -
от таких кровавых сечь.
Закричали белой стаей -
отчего нас быют теперь.
Это была месть простая -
за судьбу своих потерь.
Это была божья кара -
за кровавость их утех.
Бог решил – судьба такая.
Пуля в белый стан не грех.

Тогда махновские отряды ещё поддерживали Советы и действовали с отрядами красных партизан. И даже 3-я махновская бригада входила в состав, пришедшей с боями в Бердянск, 2-й Донской стрелковой дивизии Красной Армии и действовала в Бердянском уезде в районе села Новоспасовка.

Но это длилось не долго. В отрядах батьки Махно шел процесс расслоения, беднота присоединялась к Красной Ар-

мии, идущей в Крым на барона Врангеля. Тогда, в 1920 году, отряды Врангеля переправились через Днепр в районе Александровска и Никополя, а кулацкие отряды под черными знаменами уходили в степь и начинали громить и вырезать Советы, нанося серьезный урон крестьянству, которое все больше и больше поворачивалась лицом к большевикам.

И я понял боль и отчаяние моих предков при одном упоминании белого движения. Понял всё, когда в архивах отца, я нашел записи о том, что на особом совещании при главнокомандующем белой армии, был создан свод законов, от 26.08.1919-го года. В этом своде законов было сказано: «Об уголовной ответственности участников установления Советской власти». А в реальной практике эта уголовная ответственность несла только одно – расстрел.

И со всей отчетливостью мне стало ясно, что несла народу военно-полицейская диктатура белого движения. И этих репрессий, этого белого давления крестьянство не выдержало и перешло к повсеместному восстанию, кулацкая часть которого продолжалась даже после прихода большевистских отрядов.

Политика умиротворения среднего крестьянства в этом громадном крестьянском движении, проводимая партией Большевиков, давала себя знать. Дедушка ушел с войсками Красной Армии на Крым, но скоро вернулся после контузии и работал в Бердянском Совете по организации предприятий общественного питания, используя свою вторую армей-

скую специальность, которой его обучили в Царской армии для обслуживания господ офицеров.

Дробязко В.И., 1919 г.

Бабушка продолжала работать на заводе, и была активной профсоюзницей. Так и вырос Отец, шествуя рядом с матерью на демонстрациях, с красными знаменами, распевая песни: «Мы синемлузники! – Мы профсоюзники!» и революционные песни Красной Армии, вместе с вернувшимися с Крыма бойцами, оваянными славой побед в боях за Каховку, Перекоп и Чонгар, где им удалось наголову разбить Врангелевские войска. Кричали – «Ура» на собраниях в профсоюзных клубах, под кумачовыми лозунгами, на которых красовались слова Ленина:

«Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии есть та полная, решительная замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем».

И под влиянием этой победы, решившей окончательный переход среднего крестьянства на сторону большевиков, часть кулацких махновских отрядов уходила вместе с Махно в Польшу. А к концу 20-го года Наркоминдел уже требовал его выдачи у Польских властей, опираясь на решение Верховного Ревтрибунала Украины – о привлечении Н. Махно к уголовной ответственности.

Дедушка продолжал навещать в своё родное село Новоспасовку, которое в 1939 году было названо Осипенко в честь знаменитой советской летчицы Полины Осипенко. Но

это было гораздо позже, в период успехов Советской власти. А тогда, каждая поездка могла кончиться печально. И тяга к воспоминаниям молодости, да и необходимость привезти продуктов, не лишняя в те тяжелые годы, могли окончиться катастрофой. Наезды махновских отрядов, которые разгромили сельский Совет, в январе 1921 года, заменивший вырезанный ими же Ревком, и перенос в это село на некоторое время штаба махновских отрядов, не предвещал ничего хорошего.

Этот период остался в подсознании отца и особенно бабушки надолго, когда одно упоминание белой гвардии, да и махновцев, вызывало возмущение. И уже гораздо позже – в 1958 году, когда была издана поэзия Марины Цветаевой, а я увлекся её стихотворной символикой и в моих руках появились, в перепечатках, её стихи о Белой гвардии, бабушка не выдержала моего увлечения и со слезами отхлестала меня, уже взрослого парня, лозинкой, со словами:

Не лебедей это белая стая,
Черного коршуна стая косая!

И всхлипывая от обиды, как я мог этого не понять, приговаривала:

Не секли тебя помещики, не миловали,
Только мать да отец тебя баловали!

Так и угас у меня всякий интерес к этой цветаевской поэзии.

Только уже в перестройку и реформы удалось черных коршунов представить белыми лебедями, когда ушло поколение, познавшее их «лебединый» клетот на своей шкуре.

А тогда черные, разухабистые махновские тачанки, которые почти весь 21-й год врывались в Новоспассовку и громили избранные тем же крестьянином середняком Советы, не давали забыть это горе и отчаяние. И этот крестьянин, крестясь и отплевываясь, тихонько из-за плетня, постреливал в эти тачанки. Порядок и Советы ему были более с руки, чем махновский кураж и грабежи. И сколько бы пропаганда всех мастей и оттенков не говорила, что разгром махновщины был результатом только военного давления большевиков, сам Махно считал причиной своего поражения уход от него всего трудового крестьянства. И это он с болью выразил в своих стихах 21-го года.

И тачанка, летящая пулей,
Сабли блеск, ошалелый подвысь.
Почему ж от меня отвернулись
Вы, кому я отдал свою жизнь?

В моей песне ни слова упрека,
Я не смею народ упрекать.
Отчего же мне так одиноко,
Не могу рассказать и понять.

А, как только схлынули эти тачанки и перестали тревожить рабочих путейцев, отец начал работать на ремонте железнодорожных путей, помогая деду, и вскоре сам был принят на работу ремонтным рабочим. А, став подсобным рабочим на заводе Гривеза, выпускавшем сельхозмашины, в 1925 году вступил в комсомол и стал базовым вожатым пионерских отрядов, занятых борьбой с беспризорностью и организацией молодежного движения в близлежащих селах.

Тогда рабочая молодежь хорошо знала слова В.И. Ленина: «Чтобы не дать снова восстановиться власти капитала, — нужно торгашества не допустить. То поколение, которому сейчас 15 лет, увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество». Это вдохновляло рабочую молодежь. Конечно, авторитет В.И. Ленина в народе, в те годы был, велик. Авторитет Сталина И.В. только начинал расти. В моде было понятие Центральный Комитет. Попытки Троцкого внедрить свою личность в сознание народа вызывало раздражение в рабочих низах. Троцкий нажимал на ЦК и партию, торопился использовать остатки своей популярности времен Гражданской войны. Проповедовал идею героя и толпы.

Но основная масса населения, в которой жил авторитет В.И. Ленина, никак его потуги не воспринимала. В конечном итоге, на пленуме ЦК РКП (б) в январе 1925 года, он потерял свою должность председателя РВС СССР. Он не добился

роста своей популярности, чтобы стать единоличным лидером страны. А с 1926 года, И.В. Сталин начинает продвигать идею снижения розничных цен и индустриализации страны, и на этой основе повышения жизненного уровня населения. Популярность Сталина начинает расти.

А идея борьбы за победу мировой революции, на далеких полях сражений, все меньше и меньше привлекает рабочую молодежь и популярность Троцкого падает. Идет раскол меньшевистских и эсеровских партий и групп, стоявших как на интернациональных, так и национальных позициях; и их вступление в ВКП (б), и даже кооптирование некоторых групп в состав партии.

Эти люди, обладая грамотностью, быстро продвигались в советском аппарате и занимали многие руководящие посты. Так что истоки борьбы, так называемого 37-го года, начинались ещё в 1925 году. И они вряд ли, за такой короткий период, как-либо меняли свою внутреннюю сущность, тем более что многие из них ранее были членами групп боевиков, ведущих боевую, как теперь модно называть, террористическую деятельность, ещё с царских времён. Но эти противоречия вскрылись гораздо позже, а пока эти группы радостно приветствовали Советскую власть, вслед за середняком, с уходом от них которого, они теряли свою прежнюю базу. Советская власть развивалась, а вместе с ней росла промышленность.

И, наконец, сбылась мечта Отца – стать рабочим специ-

алистом. Так хотелось стать котельщиком паровозоремонтных мастерских, когда, работая на ремонте путей, он видел как мимо, хрипя, дыша паром и откашливаясь, проносились паровозы, которые казались главными и неповторимыми символами промышленной мощи.

Получив направление в Школу фабрично заводского ученичества тогдашнего уездного центра Александровска, отец уезжал туда, где его ждала новая жизнь и новая судьба в борьбе за лозунг И.В. Сталина: «Если мы не осуществим промышленный рывок за десять лет, который осуществили западные страны за столетия – нас сомнут!»

Уже начали идти работы по строительству Днепрогэса. Отец вспоминал:

– Именно тогда я с большим энтузиазмом взялся за создание трудовых батальонов, как молодежных отрядов помощи строительству. И меня увлекла организация такой формы работы молодежных бригад, когда они направлялись на отстающие участки, конечно, с серьезной подготовкой фронта работ, поскольку без такой подготовки весь трудовой энтузиазм наших молодежных бригад зависал в воздухе, и всё победное настроение уходило в свисток. Конечно, мы участвовали на субботниках во многих работах на Днепрогэсе, когда весной 1927 года, в марте месяце, прогремели первые взрывы на днепровских скалах, казавшихся такими величественными в своей гордой красоте.

Первыми загремели, зашевелились скалы с романтиче-

скими названиями: «Богатырь», «Любовь», и «Сагайдачного». Это было, конечно, событие для всего народа, который в вековых легендах мечтал об обуздании ревущего Днепра, и народ спешил посмотреть на это событие, стекаясь со всех окрестных мест. И уже в июле от скалы «Любви» до небольшого острова «Стрелецкого» протянулась перемычка, по которой начали своё неторопливое движение краны, а в котлованах скал заревели экскаваторы, затрещали, застучали перфораторы, и на несколько километров протянулись скальные и земляные работы.

Но серьезной, запомнившейся на всю жизнь вехой, было морозное, ясное утро 4-го января 1928 года. Утро начала забивки шпунтов – громадных 17-ти метровых свай. С этой забивки свай, с этого момента начался отсчет времени строительства Днепрогэс и отсчет времени дальнейшей моей судьбы, – с романтической ностальгией вспоминал Отец.

– Сваи забиваются одна к другой, создавая сплошную гидротехническую стенку. И первый удар по этим сваям становится новой вехой в моей жизни.

И уже в 1929 году, после всепартийной дискуссии между сторонниками индустриализации страны и её противниками, как активного сторонника этой индустриализации, меня в клубе имени Дробязко, клубе паровозоремонтного завода, на открытом партсобрании принимают в партию, – вспоминает Отец. – Собрание идет под звуки вопросов бурлящего зала.

– А понимаешь ли ты значение индустриализации? – звучит из зала. – Сказал и вопросительно замолчал Отец? – И после короткой паузы добавил, такой очевидный сейчас, но не всем понятный тогда, ответ:

«Если мы не станем сильными, Запад нас сомнет». – И его принимают кандидатом в партию большевиков.

К тому времени популярность Троцкого, и основные лозунги троцкизма растаяли как дым. А рабочая молодежь была увлечена идеей индустриализации страны, союзом со средним крестьянством, и лозунгом, который в этом движении выдвинул товарищ Сталин: «Кадры решают все!» Это особо увлекало рабочую молодежь. Она знала, что такими кадрами должны стать лучшие из них, активно участвующих в общественных делах. И мы активно участвовали в этих делах, – говорил Отец.

Особенно запомнилась наша творческая деятельность в стилизованном театре под названием – кружок «Малых форм», в клубе имени Дробязко, увековечившем имя, ещё совсем недавно погибшего, молодого героя Гражданской войны. Этот молодежный самодеятельный театр имел большой успех у тогдашней публики и, с помощью него, мы несли идеи борьбы и индустриализации в народ.

По решению партии и ВЦСПС они в числе «профтысячников», пройдя через пятимесячные подготовительные курсы, должны стать студентами институтов. И его, потомственного пролетария, выпускника Школы фабрично заводского

ученичества, котельщика, комсомольского секретаря завода, для которого смена в цеху – это только одна смена, а вторая смена это общественная работа и помощь, все тому же среднему крестьянству, по налаживанию жизни и ремонту техники в товариществах по обработке земли.

И борьба за освобождение крестьянина середняка ещё от одного вида зависимости и гнета – кулацкого гнета, для него тоже была немаловажной задачей. Эта работа не раз проходила под свист кулацких пуль, выпущенных тайком из-за угла. И по всему по этому, окружком комсомола дал ему направление на учебу в институт.

И он, вспоминая те молодые годы, своих друзей и товарищей, говорил: – Так и мы с Михаилом Лесечко, одним из активистов молодежного движения, стали студентами однокашниками и на рабфаке, готовившем нас в институт, давая знания по физике и математике, которых так не хватало рабочей молодежи, и в машиностроительном институте.

Да, да – это тот самый Михаил Арсентьевич Лесечко, который впоследствии, пройдя путь от главного инженера одного из московских заводов до заместителя председателя Совета Министров СССР, участвовал во всех преобразованиях в стране, используя опыт первых пятилеток. И именно он использует этот опыт, когда становится представителем Советского Союза в Совете Экономической Взаимопомощи.

*Второй ряд, слева направо – третий Моисеенко Н.П.
и др. Инсценировка «5 лет без Ильина». 1929 г.*

А тогда мы участвовали в воскресниках на ударной стройке Днепрогэса, строили здания института, жадно ловили на лекциях каждое слово преподавателей, и никто не мог сказать, что вчерашние рабочие, сегодняшние студенты, завтра станут красными директорами и министрами. Так стремительно развивалась страна, а вместе с ней росла и рабочая молодежь.

Это уже потом, в период перестройки и реформ, стали

кричать, что индустриализация была проведена потому, что с крестьян драли три шкуры, не понимая, или делая вид, что не понимают – откуда у государства, без внешних займов, без ограбления колоний, берутся накопления для индустриализации.

А тогда, как и сейчас при новоявленном капитализме, основную часть цены товара присваивал себе капиталистический посредник, не участвующий ни в процессе производства, ни реализации товара. А государство, устранив посредника и взяв эту функцию на себя, и ко всему, организовав государственную торговлю, наоборот, освободило крестьянина – середняка от излишнего гнета и получило накопления для индустриализации страны.

Конечно, все это прошло через меня, под шум днепровских волн и гул Ненасытских порогов, – символа моей поэтической юности, – вспоминал Отец годы своих юношеских увлечений.

– И моя работа как рабочего парня, и участие в крестьянской жизни, и усилия по созданию общественного хозяйства уже как кандидата в члены партии и уполномоченного райкома, которого временно сняли с занятий и направили в село. Это и было моей путевкой в партию, моей рекомендацией для принятия из кандидатов в её члены. А в институте меня ждало комсомольское собрание, которое избрало меня, молодого коммуниста, секретарем комитета комсомола.

– И сразу добавились новые проблемы – успеваемость сту-

дентов, в основном бывших рабфаковцев, выходцев из рабочей среды. Для многих из них учеба давалась с трудом, но тогда не отчисление, а организация помощи отстающим была основой системы обучения. И, главное, организация активного участия студенчества в помощи на стройках индустриальных гигантов, в особенности, в период чрезвычайных происшествий.

— Когда случилась авария на Днепрогэсе, прорвало земляную перемычку, насыпанную вокруг вбитых в землю громадных дубовых бревен, — на одном из собраний рассказывал Отец, — мы, большой отряд студентов, идем на плотину, напевая марш:

Наш паровоз вперед лети!
В коммуне остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!

Мы идем на ликвидацию прорыва воды в котлован, на земляные работы и с возгласами: «Даешь перемычку!» — ликвидируем прорыв вместе со всем Днепростроевским народом.

Окончание института дало новые заботы, — пожимая плечами, вспоминал Отец. — Я был направлен на ликвидацию прорыва на Кировоградском заводе сельскохозяйственного машиностроения, на котором его продукция, а именно сельхозуборочные агрегаты, страдали не только низким каче-

ством, а и конструктивными дефектами механизмов. Мне удалось привлечь к работе и организовать специалистов завода на быстрое решение этой задачи. А дальше – авиамоторный завод, с его проблемой испытательных стендов, и всё это не без общественной работы.

– Я был избран секретарем комитета комсомола и здесь у меня сложились довольно дружеские отношения с Андреем Павловичем Кириленко, который руководил заводской партийной организацией.

Уже начиная с 1932-го и к концу 1937 года, в строй начали входить промышленные гиганты Запорожья, многие из которых были одной из основ обороноспособности страны. К 37 году начались разговоры о возможности германского нападения. Германия проявляла все большую агрессивность и уже планировала свои захватнические войны в Европе. Её движение на восток несколько сдерживали революционные события в Испании. Но уже тогда стало ясно, что нужно увеличить темпы ввода в строй промышленных мощностей, и уже в 38 году, после аншлюса Германией Австрии, выяснилось направление движения Германской военной машины.

События развивались быстро и, не успев развернуть, как следует, свои комсомольские и проектно-конструкторские дела, по рекомендации Андрея Павловича Кириленко меня, уже в 1938 году, избирают секретарем заводского, Ворошиловского райкома партии, где были нужны люди с высшим техническим образованием. Что бы ни говорили о Сталин-

ской системе впоследствии, но тогда личные заслуги и активная работа человека были основанием для его дальнейшего продвижения. А в то время, ответственность секретаря райкома, а тем более «заводского райкома», за порученное дело была не меньшей чем у директора завода, тем более что секретарь райкома отвечал и за всю прилегающую инфраструктуру.

Только пошли первые успехи в освоении мощностей авиамоторного завода, как у нас началась подготовка к созданию Запорожской области. Этим шагом руководство страны хотело сконцентрировать внимание на Запорожском промышленном комплексе и, тем самым, ускорить ввод промышленных мощностей. К этой подготовке Центральный комитет привлек Андрея Павловича Кириленко, а он уже привлек меня. В конечном итоге он был избран секретарем обкома партии вновь созданной области, и председателем комиссии по подготовке первой областной комсомольской конференции, на которой я был избран первым секретарем обкома комсомола. В своём напутственном слове Андрей Павлович сказал:

– Николай, приступай к созданию первой в истории области, областной комсомольской организации. И помни главное – враг всё ближе и ближе подходит к нашим границам. Наша главная задача – вывести промышленность на максимальную мощность и подготовить город к обороне. Тем более что по предварительным подсчетам комсомольская ор-

ганизация может насчитывать не менее 100 тысяч человек. А это большая сила и в труде, и в обороне. Это уже если не фронт то, по мирным стандартам, группа армий.

– Как видите, и время было напряжённой и задачи не из легких, – не раз говорил Отец на встречах со своими молодыми товарищами.

– Уже тогда нужно было готовить женщин-трактористок для замены мужчин, которые уйдут на фронт. Подготовить молодежь к сдаче норм готовности к труду и обороне, к отражению агрессии не только в боевом, но и в физическом, и моральном плане, к длительным боям и серьезным испытаниям.

А в плане форсирования строительства и налаживания промышленных объектов, надо было взять под комсомольский контроль и бросить в бой все комсомольские силы на такие объекты, как 3-я и 4-я доменные печи, и прокатный стан холодной прокатки – на «Запорожстали». К тому же требовало внимания окончание строительства и ввод в строй последних турбин Днепрогэса, при этом, не упуская из виду подготовку кадров и развитие мощностей нашего родного авиамоторного завода.

Казалось, ещё совсем недавно, 27 мая 31 года, мы, участники городского субботника по подготовке к монтажу турбины с завистью наблюдаем, как начинают работу её монтажники. Ещё совсем недавно присутствуем при закладке главой республики Г.И. Петровским, первого камня в тело Дне-

прогэса, а в 1932 году кричим: «Ура», на митингах по поводу ввода в строй первых мощностей Днепрогэса и завода «Днепроспецсталь», а уже перед нами стоят задачи окончания строительства этих объектов, — вспоминая свою жизнь, и свои трудные, но счастливые годы, говорил Отец.

— Ещё недавно, на глазах у главы государства М.И. Калинина и наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, на правом берегу, у здания электростанции, на многотысячном митинге по поводу пуска Днепрогэса, 10 октября 1932 года, оказываем помощь в строительстве их детища. И они, руководители государства, кажутся нам такими великими и недостижимыми. А уже сегодня перед нами стоит задача ввода в строй мощностей завода «Запорожсталь». Кстати, именно Серго Орджоникидзе стоял у истоков проектирования и создания этого завода. А стан холодной прокатки, который Орджоникидзе всегда поддерживал, вообще вошел в мою жизнь как символ и сопровождал все мои действия долгие годы жизни. Вот поэтому, ввиду участия Орджоникидзе в создании завода, он и был назван его именем. А теперь перед нами, как это ни удивительно, стоят задачи, которым они посвящали свои жизни.

Конечно, мы радостно вспоминаем взволнованную беседу французского писателя Анри Барбюса, который, кажется, ещё вчера, беседуя с группой молодежи участницей торжеств первых пусков, вдохновлял нас на великие свершения. Называл нас счастливым поколением, которому удастся

осуществить вековую мечту человечества. А уже перед нами стоят эти грандиозные задачи. Тем более что эти задачи для меня имеют особое значение, гордясь прошедшим, вспоминал Отец, – потому что над строительством завода «Запорожсталь, да и над другими предприятиями шефствует комсомол. И успех в этом деле во многом зависит от ударных комсомольских батальонов и комсомольских экипажей кранов и паровозов.

И далее, немного подумав о моём вопросе: «А была ли подготовка к войне, а думали ли об этом – или находились в полном неведении?» – наклонившись вперёд, Отец продолжал:

– Я был делегатом ряда съездов комсомола республики. И сколько бы ни говорили, впоследствии, о самоуспокоенности, об отсутствии подготовки к войне, я такого сказать не могу. Всегда речь шла о подготовке молодежи к возможным скорым испытаниям на прочность.

В особенности, на 11 съезде, мне запомнились выступления Паши Ангелиной и Марии Демченко. Рассказывая о своих успехах, они объясняли тактику организации стахановского движения, говорили о приобретении женщинами мужских профессий, о возможном скором призыве, который ждет ребят. А что это, как не подготовка молодежи к отпору врагу, звучащий на съезде призыв быть – «Корчагинцами сороковых».

Хотя, в период Хрущевских реформ много говорили о

1937 году, о массовых репрессиях. Вся эта тематика надолго затмила горизонт. Скорее всего, Хрущев Н.С. этим хотел парализовать волю своих оппонентов, да и всего народа в борьбе за власть, а потом этим методом пользовались и другие силы вплоть до перестройки и реформ. Отвечая на моё любопытство, уже в те годы, когда на эту тему лучше было не говорить, а поддерживать версию Никиты Сергеевича, – Отец говорил.

– Для нас этот год, а именно 1937, прошел в большей мере, как год подготовки к всеобщим выборам Верховного Совета СССР, когда были отменены все ограничения выборной системы. Этот год, в тот период, в народе воспринимали, как год развития СССР, от героев папанинцев до легендарного перелёта в Америку. Конечно, это происходило на фоне становления фашизма и авторитарных или, как их начали впоследствии величать, тоталитарных режимов, которые захватили почти всю Европу, да и весь Мир. И именно с этими процессами, а не с каким либо либерализмом, сравнивались все происходящие события. А эти выборы и у нас, да и во всем мире, воспринимались, как развитие демократии, а не какие-то репрессии.

И хотя в этом году были исключены из партии Бухарин Н.И. и Рыков А.И., но впечатления развития каких-то репрессий, тем более массовых, это не вызывало. И конечно, и партию, и руководителей среднего звена, уже давно начало раздражать их противодействие любому решению.

Представьте себе, тогда трудно было ориентироваться в решении реальных вопросов и в низах, и в среднем руководящем звене. Тем более, все понимали, что до войны осталось, не так много времени, и стране было так необходимо ускоренное развитие.

Западные режимы, в частности Германский блок, а это в той или иной мере как и в армии Наполеона – вся Европа. И не только Европа, а и Турция, и Япония, сосредоточили уже все силы в одном кулаке, а мы продолжали бить растопыренными пальцами. Поэтому, исключение правых сил из партии особого беспокойства не вызывало. И этот год у нас прошел, как-то быстро. Возможно, мы были увлечены своим делом развития промышленности и Советской демократии и не имели достаточной информации. Но эти события, а именно массовые аресты, конечно, если они были, прошли мимо нас.

Естественно, какие-то аресты были. Но это были больше хозяйственные злоупотребления, которые в следственных органах рассматривались в трех версиях – либо хозяйственные преступления, либо вражеские диверсии, либо умышленное вредительство. Рассматривалось это как одно из возможных явлений, которое бытовало и ранее, а именно – умышленное доведение политики партии до абсурда. В этом отличались сторонники различных оппозиционных групп, ещё не так давно, в конце 20-х и начале 30 годов.

Но уже тогда, некоторые особенно ретивые партийные ра-

ботники, выдвигали лозунг: «Довести борьбу с хозяйственными преступлениями до уровня политической борьбы».

Первый ряд справа. Н.П. Моисеенко в группе красноармейцев. 1934 г.

Но, так или иначе, количество заключенных, вместе с традиционным уголовным элементом не превышало 800 тысяч человек. А заключенных по 58-й статье, то есть антигосударственной и антисоветской деятельности, колебалось в районе около 10 % от этого количества. И это оценивалось на фоне намного более высоких данных западных режимов, где на самом деле шли массовые репрессии.

В центре слева. Н.П. Моисеенко на армейской переподготовке партийных работников. 1940 г.

И естественно, сравнивая эти цифры, факты и воспоминания Отца, с современными данными по количеству заключенных, которые превосходят эти цифры в 2–3 раза, начинаешь думать.

– А не пропагандистская ли это легенда, а не черный ли это пиар, под названием – 1937 год?

Отец, вспоминая тот период и свои впечатления того времени, рассказывал.

– Такие аресты, по этой же статье были и ранее. Только

ранее – эти аресты политически оформлялись, как борьба то ли с русским, то ли с украинским национализмом и попыткой захвата власти, то теперь, это начало трактоваться как борьба с правоменьшевистским течением в партии и стране. То есть изменилась только группа лиц, к которым применялись эти политические трактовки.

А сейчас, в период перестройки и реформ, все это напоминает борьбу с экстремизмом и терроризмом. И привлекаются к ответственности мелкие рядовые исполнители, а заказчики и крупные акулы остаются в тени, а преступность не уменьшается – потому это и называется демократией. А тогда, взяли крупных акул и ликвидировали преступность. А если под удар попали крупные акулы, то это уже, кричит буржуазная пресса, конечно репрессии, конечно тоталитаризм.

«А были ли сами события?» – вопрошал я, – и Отец вполне компетентно отвечал:

– Да, сами события происходили. Например: затопление котлована на Днепрогэсе, когда прорвало временную перемычку, погибло 6 человек рабочих, и была повреждена техника. Обвалилась в результате перегруза крыша одного из заводов, и опять же – погибли рабочие. В нескольких колхозах области погиб скот, от неправильного рациона питания и отравления. На авиамоторном заводе исчезли электродвигатели с важного импортного оборудования, что привело к большим экономическим потерям, и к гибели людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.